

Ему никак не дашь 77 — он высок, строен, галантен, располагает к разговору. Признанный автор «военной прозы» (повести «Навеки — девятнадцатилетние», «Пядь земли», «Июль 41 года» вошли в золотой фонд произведений о войне), Григорий Бакланов с 1986 по 1994 год был главным редактором журнала «Знамя». В перестроечные годы тираж журнала поднялся до 1 миллиона экземпляров. Главный редактор по-фронтовому бился с цензурой и чиновниками за «Собачье сердце» Булгакова, за «Новое назначение» Александра Бека, напечатал запрещенную поэму Твардовского «По праву памяти». Сейчас Бакланов занят самым важным для писателя делом — пишет новую книгу...

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ЕСТЬ, СОБЫТИЙ НЕ ПРИПОМНЮ

Владимир НУЗОВ

— Григорий Яковлевич, вы опубликовали в журнале «Знамя» главу (или главы) книги «Подводя итоги». Вы сознательно пошли на повторение названия известных мемуаров Сомерсета Моэма?

— Иногда наступает время, когда писателю хочется рассказать о том, что было, ничего не сочиняя. В результате в издательстве «Вагриус» в 2000 году в серии «Мой XX век» вышла книга моих воспоминаний «Жизнь, подаренная дважды», куда вошли и «Подводя итоги». Книга, кстати, продается и в Америке, и в Канаде, и в Англии. Что касается названия «Подводя итоги», то я его в то время просто не знал, но это не имеет абсолютно никакого значения: названия книг в литературе все время повторяются.

— Документальная проза отличается от вымышленной?

— Разумеется. Но если речь об искусстве, то не бывает прозы абсолютно вымышленной. В основе — жизнь, факты жизни, осмысление жизни. И у большинства персонажей есть реальные прототипы, один или несколько. Возьмите хотя бы «Попрыгунью» Чехова, «Смерть Ивана Ильича» Толстого. А документы — это строительный материал. Опираясь на них, можно осмыслить время, события, а можно создать совершенно ложную картину.

— Россия перестала быть не только сверхдержавой, но и самой читающей в мире страной (если это не было мифом). Вас не смущает суперуспех детективов?

— Была ли Россия самой читающей страной в мире, неизвестно, поскольку никто таких

подсчетов не производил, все основывалось на наших заявлениях. Но то, что в России много читали, — факт. В Израиле считают, что евреи — народ книги. В большой степени и народ России — народ книги, причем серьезной книги, хотя во времена Льва Толстого дамская писательница Чарская была более популярна, чем он. Настоящее искусство, настоящая литература требуют душевных усилий, а не каждая душа готова и хочет трудиться. Детективы же всегда пользовались у нас гигантским спросом. Я грешным делом детективов не читаю: начитался их в детстве и получил прививку на всю жизнь. Но соотношение тиражей Толстого, Достоевского, Чехова и тиражей детективов устрашающее. А сколько леса вырублено ради этих детективов!

— Но ведь предложение рождает спрос. Не случайно же упали тиражи толстых журналов. Что вы об этом думаете?

— Тут я пристрастен, поскольку был главным редактором журнала «Знамя» семь с половиной лет. Миллионный тираж «Знамени» тех лет не случаен: люди хотели знать правду, читать то, что многие годы было под запретом. Поток писем в журнал был таков, что взяла на работу второго учетчика писем. А потом начались реформы, галопирующие цены, и снова я не мог уйти, оставляя сотрудников без средств к существованию. Как же в таких обстоятельствах бросить сотрудников? Надо было что-то делать. И вот собрались четыре редактора толстых журналов: «Нового мира», «Дружбы народов», «Октября» и «Знамени».

Я сказал, что надо помочь библиотекам, чтобы они могли выписывать журналы. Обнищавшая наша интеллигенция скоро не сможет, как бывало, выписывать журналы на дом, так пусть хоть в библиотеках читает. И тиражи таким образом упадут резко. А продержатся журналы — будет где молодым печататься. И не только молодым.

— Вот так поговорили — и что?

— И ничего из этого не последовало. Тогда я обратился к Джорджу Соросу, он в это время основал в стране свой фонд «Культурная инициатива» и предложил мне войти в правление фонда. Полгода опрашивали библиотеки всей страны, составлялось то, что теперь называют бизнес-планом. Библиотекам был предложен на выбор список из восьми толстых журналов, условия такие: из полугодовой подписки пять месяцев оплачивает фонд, один — библиотека. Сорос дал на год миллион долларов. Потом давал и по три миллиона. Восемь лет длилась эта программа, нынешний год — последний. Выживут те журналы, которые за это время прочно смогли стать на ноги.

— Что-нибудь выдающееся за эти годы напечатано?

— Новых имен в литературе за эти годы появилось много, есть способные люди. А вот вспомнить книгу, которая бы стала событием в литературе, не смогу. Бестселлеры есть, событий не припомню.

— К Соросу у многих россиян отношение негативное: хитрит, мол, американец, просто так помогать не будет...

— Читайте классическую ли-

тературу, там все сказано. В «Воскресении» Толстого, помните, Нехлюдов решил отдать землю крестьянам? И общество разделилось: одна часть признала предложение барина выгодным, другая часть увидела в этом подвох, сущность которого понять не могла, и потому боялась и не верила. В тридцати трех университетах крупнейших городов России — от Владивостока до Калининграда — открыты компьютерные центры. Пятьдесят процентов этой программы оплатил Сорос, пятьдесят процентов — наше правительство. Он делает великое дело.

— А какое самое большое разочарование, связанное с общественной жизнью, вы испытали?

— Мы возвращались с войны победителями, а в своей стране становились побежденными. Духовно близкими власти были карьеристы, стукачи, все те, кто во время войны был подальше от фронта. Потом началась кампания борьбы с космополитами и «дело врачей». Не дух свободы, а страх нагнетался в обществе.

— Близко ли вам, фронтовику, творчество Василя Быкова? Как складывается его судьба в лукашенокской Белоруссии?

— Когда мы с ним подружились, оказалось, что оба воевали на 3-м Украинском фронте, потом, после победы, стояли в Болгарии. На его первую повесть я написал первую в России рецензию, за ним, писал я, большое будущее. Лучшие вещи Василя Быкова я очень ценю. Живет он сейчас в Германии. Не думаю, что писатель — это не балерина и не музыкант — так уж хорошо жить на иноязычной чужбине. А в Белорус-

сии, пока там правит Лукашенко, будущего у него нет.

— Входите ли вы сегодня в какую-нибудь партию или объединение?

— В компартию я вступил на фронте, в 1942 году, когда немцы штурмовали Сталинград и коммунистов в плен не брали, а вышел из нее во время вильнюсских событий 1991 года. Сейчас ни в какой партии не состою, хотя меня много раз куда-то звали.

— Что вы можете сказать о многочисленных союзах писателей, существующих сегодня в Москве?

— В каком-то из них я состою, но никогда туда не хожу.

— Кто первый читатель ваших произведений?

— Первый мой читатель — жена. Каждый день, закончив работу, я читаю ей написанное. Она же — главный мой критик. У меня взрослые сын и дочь. Сын, окончив математическую школу, поступил на факультет журналистики МГУ, стал журналистом, дочь окончила Литературный институт, выпустила книгу рассказов. Старший внук кончает университет, младший только-только поступил в институт, выбрал экономическую специальность. Есть у меня и внучка — школьница. Читателей у меня сейчас меньше, чем было когда-то. Повесть «Навеки девятнадцатилетние» в свое время разошлась тиражом около четырех миллионов экземпляров. Сейчас тираж книги в 10–15 тысяч считается хорошим. Если судить по письмам, читатели мои — в основном люди среднего и старшего возраста, но на последнюю повесть «Мой генерал» я получал письма и от школьников.

Всё Моэма. - 2001. - 30 стр. - с. 7